

УДК 811. 222. 1

ЭЛЕМЕНТЫ РАННЕГО ЯЗЫКОВОГО ПУРИЗМА В ИРАНЕ (ДО СЕР. 19 В.)

Сухоруков А. Н.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: sankafd2004@gmail.com*

В данной статье рассматривается ранняя история движения за очищение персидского языка от иноязычных лексических заимствований, анализируются источники, свидетельствующие о пуристических тенденциях в Иране начиная с конца XI в. и основные представители иранского языкового пуризма, а также их мотивы, определяются преимущественные формы проявления языкового пуризма на раннем этапе развития в Иране этого языкового явления. Внимание уделяется также роли Азар Кейвана и его последователей в распространении идей языкового пуризма, публикации книги «Дасатир» и деятельности Манекджи.

Ключевые слова: персидский язык, история языкового пуризма, Азар Кейван, Дасатир, Манекджи.

Постановка проблемы. Пуризм как стремление очистить язык от элементов, не соответствующих языковым нормам, является характерным явлением для всех языков на определённом этапе их развития. Персидский язык, имеющий длительную историю своего развития, вобрал значительное количество иноязычных лексических заимствований, в первую очередь арабизмов. Новоперсидский язык сформировался к началу X века, но процесс арабизации лексики продолжался до середины XI века, причём наибольшая интенсивность притока арабизмов пришлась именно на первую половину XI столетия. К этому же периоду относятся и первые попытки очистить персидский язык (ПЯ) от иноязычных лингвистических заимствований. Элементы языкового пуризма (ЯП) того времени проявлялись в стремлении отдельных авторов писать на чистом персидском языке. Источников, позволяющих достоверно судить о глубине процесса сохранилось немного.

Актуальность. В отечественной иранистике вопрос ранней истории языкового пуризма в Иране не поднимался. Этим вопросом мало занимались и западные исследователи. Изучение пуризма в Иране традиционно начинается со времени формирования Академии Ирана в начале XX в. или же, в редких случаях, несколькими десятилетиями ранее. При том, что отдельные следы стремления обходиться без иноязычных заимствований можно найти на значительно более раннем этапе.

Цель и задачи. Целью данной статьи является рассмотрение форм проявления языкового пуризма в персидском языке на раннем этапе развития в Иране этого языкового явления. В соответствии с поставленной целью, необходимо решить следующие задачи: проанализировать имеющиеся исследования, посвящённые исследованию пуризма в персидском языке; определить основные формы проявления пуризма и мотивы сторонников очищения языка, систематизировать полученные результаты и сделать выводы.

Основной материал. Наиболее глубоко вопрос о первых проявлениях ЯП в Иране был рассмотрен Багером Садруниа в статье «Предыстория и теоретические основы «чистого языка» [4]. В соответствии с его исследованиями, самым ранним сохранившимся свидетельством ЯП в Иране является «Введение» к *بن أبي الخير بر روضه المنجمين* Шахмардана, датируемое 1074 годом. В нем автор выступает с критикой стиля произведений отдельных писателей современности, которые пишут на чистом персидском языке. Мотивом, побуждающим избегать арабизмов, по свидетельству Шахмардана, являлось желание подобных писателей расширить читательскую аудиторию за счёт тех, кто не знает арабский язык. Хотя, продолжает автор, язык этих произведений был тяжёл, при том, что если бы писались обычным языком, были бы значительно проще и понятнее. Близким по времени свидетельством пуристических тенденций является «Кабус-наме» Кей-Кавуса, написанная в 1082-1083 гг. в виде наставлений своему сыну. В 39-ом разделе книги, посвященном правилам составления писем и написанию книг, автор советует воздержаться от чистого персидского языка: «и если придётся писать письмо на персидском языке, на чистом персидском писать не следует – некрасиво получится, тем более не пиши на фарси-дари, это не популярно, тебе самому писать так нельзя ни в коем случае» [4, 103].

Таким образом, на основании данных двух косвенных источников можно сделать следующие выводы: а) во второй половине XI в, когда было написано немало прозаических произведений на классическом персидском языке, в т. ч. «Сафарнаме» Насир Хосрова, имелся и другой стиль, отличительной чертой которого является отсутствие арабской лексики; б) данный стиль был труден для понимания даже образованному человеку; в) нет указаний на идеологическое обоснование стремления избегать арабизмов в речи. Замечание Шахмардана об облегчении понимания для определённых слоёв вступает в противоречие с его последующим заявлением, подкреплённым свидетельством Кей-Кавуса, что данный стиль сложен и непонятен; г) для обозначения стиля письма без арабизмов используются термины *درى مطلق ويزه* (Шахмарданом) и *پارسی مطلق* (Кейкавусом).

Последующие столетия также сохранили для нас свидетельства эпизодического характера стремления писать на персидском языке без арабизмов. Кратко остановимся на некоторых из них:

1. Бахааддин Мохаммад бен Моайяд Багдади (ум. 1200 г.), автор *التوسل الى الترسل*, одно из своих писем написал на чистом ПЯ. Во вступлении к письму автор следующим образом поясняет причину его написания: «как-то собравшись с друзьями лучшими за чашей вина, меня попросили, чтобы я ответил на их вызов и написал отрывок, лишённый арабизмов, и в память об этой победе я привожу сие» [4, 103], т. е. написано оно было по просьбе друзей, желавших, видимо, проверить его литературные способности. Само письмо состоит из 12 строк, местами неоднозначно и затруднительно для понимания. Несмотря на старания автора, полностью избежать арабизмов (*خواجه ، خرمى*) ему не удалось. Бахааддина Багдади можно считать одним из первых литераторов, положивших начало подобному стилю в последующем;

2. Шарафаддин Абдаллах Ширази (ум. 1323 г.), более известный как Вассаф-и хазрет («панегирист его величества»), в 4-ой части *تاریخ و صاف* поместил письмо своему другу, которое лишено арабизмов («معرا از الفاظ عربی») письмо достаточно

ему другу, которое лишено арабизмов («معرا از الفاظ عربی») письмо достаточно пространно и занимает 4 страницы. Текст письма полностью был опубликован в 1951 году Али Асгар Хекматом, видным пропагандистом пуристических идей, в его книге «پارسی نغز».

3. Письмо Моинаддин Мохаммад Аббасэ Шахрестани, известного также, по мнению упомянутого выше Хекмата, как Моинаддин Йазди (ум. 1385 г.). Данное письмо на двух страницах написано чистым ПЯ и хранится в настоящее время в библиотеке Тегерана.

4. Письмо известного учёного XV века Джалаладдин Мохаммад Давани (ум. 1502 г.), которое он поместил в конце своей рукописи رساله قلمیه. Оригиналом этого двухстраничного письма владел А. А. Хекмат, бывший в своё время министром просвещения Ирана, который и привёл его полностью в своём сборнике «Прекрасный персидский» [3].

5. Письмо под названием «کتابی که به یاران قزوینی نوشته شده، خالی از لفظ عربی», вошедшее в собрание из 180 писем и приказов, которые записал Мирза Тахер Вахид Казвини (ум. 1708 г.) – летописец при дворе Солеймана Сефевиды. Это письмо содержит более четырёх с половиной страниц текста на чистом ПЯ. Оно также вошло в указанное выше произведение Хекмата.

Относительно отмеченных выше 5 прозаических произведений на чистом ПЯ в период с XII по XVII вв. можно прийти к следующему заключению:

1) Все сохранившиеся свидетельства стремления обходиться без арабизмов представлены письмами друзьям, т. е. общение на таком языке если и имело место, то только в узком кругу единомышленников. Отдельные художественные произведения на чистом ПЯ не сохранились, как и нет никаких указаний на их возможное существование;

2) Большинство авторов писем имели очень высокопарный литературный стиль. Шарафаддин Ширази считается в персидской литературе одним из тех, чей стиль наиболее сложен и излишне витиеват. Очень напыщенно писали также Моинаддин Йазди и Бахааддин Багдади. Главное литературное произведение последнего, в состав которого и вошло письмо на чистом ПЯ, настолько изобилует арабизмами, арабскими фразеологическими оборотами, пословицами и поговорками, вставками арабских стихов, что не оставляет места в определении истинных языковых симпатий автора [4, 106-107]. Исходя из предыдущего положения, можно предположить, что авторы писем на чистом ПЯ таковым стилем желали, прежде всего, продемонстрировать богатство своего языка.

Развитие в Иране ЯП в полном смысле этого слова связано с деятельностью Азара Кейвана и его последователей. Азар Кейван (около 1529-1618) был зороастрийским первосвященником, попытавшимся совместить основы зороастризма с идеями суфизма (ишракизма) свою родословную он возводил по отцу к легендарному Сасану V, а от него к Киянидам; по материнской линии считал себя потомком Хосрова I Ануширвана. Азар Кейван родился в Истахре, в 100 км. севернее современного Ширази. По преданию, обучаясь в медресе, он получил прозвище ذوالعلوم (мастер наук), т. к. отвечал на вопросы прежде, чем они ему задавались. В возрасте до 40 лет Азар Кейван переселился в Гуджарат, где и развернул активную деятель-

ность по распространению своих философских идей. Среди прочего, Азар Кейван позиционировал зороастризм как религию высшей мудрости, правителей древнего Ирана как справедливых монархов и язык той эпохи – как сакральный язык человечества. Поэтому любые изменения в языке, прежде всего – появление лексики иноязычного происхождения, воспринимались как кощунство. Азар Кейван, а затем и его многочисленные последователи выступили против арабизмов и пропагандировали идею возвращения персидскому языку его первоначальной чистоты.

Последователей этого движения условно объединяют в «Группу Азар Кейвана» (فرقه آذر کیوان) в разное время к представителям этой группы относили таких видных деятелей, как Фарзана Бахрам, шейх Бахааддин Амели и Мир аболь-Касем Фендерески. Относительно устойчивости пуристических позиций последнего существуют разногласия. Мир Фендерески был знаменитым специалистом в мусульманском мире и интересовался различными верованиями. На этой почве его знакомство с идеями Азара Кейвана вполне допустимо. Однако, относительно его симпатий зороастризму можно судить по одной фразе: на вопрос, почему он не отправляется в хадж, ответил – потому что там необходимо самому убить барана [6].

В 1778 году Молла Кавус, зороастриец из Гуджарата, прибывший в Иран вместе со своим сыном Фирузом чтобы изучить календарь местных зороастрийцев, приобрёл несколько ценных книг на пехлевийском языке, в т. ч. и таких, о которых парсы Индии знали лишь понаслышке. Из общего числа книг выделялась «Дасатир» (دساتیر), купленная у торговца старинными книгами в Исфагане [5, 165]. Первое отличие книги заключалось в её особой лексике, второе – в том, что в сохранившихся источниках не имелось никаких указаний на её существование. По возвращению в Индию, внимание многих европейских востоковедов (в т. ч. Уильяма Джонса) оказалось прикованным к этому новому источнику. Дж. Мальком, будущий генерал-майор Великобритании, по настоянию губернатора Бомбея и сэра У. Джонса сделал перевод «Дасатир» на английский язык. Примечательно, что само слово «дасатир» является арабской формой множественного числа от заимствованного из персидского «дастур» (*указание, инструкция или главный зороастрийский жрец*). То есть в самом названии книги, положившей начало новому витку пуристических идей, отражено всё многообразие отношений арабского и персидского языков.

Структурно «Дасатир» (т. е. *предписания*) состоял из 16 разделов, авторство которых приписывалось 15 пророкам, от первочеловека Махабада, до последнего – Сасана V, современника Хосрова I (590-628). «Дасатир» представлен двумя частями – текстом на малопонятном языке и его подстрочным переводом с последующими комментариями, приписываемыми Сасану V. Тематически «Дасатир» является обращениями пророков и содержит идеи, присущие индийским, древнеиранским, греческим философским школам и религиозным доктринам, имелись параллели также с Кораном, хадисами и учением суфиев (ишракизмом).

В лексическом плане «Дасатир» представляет собой такое же смешение времён и стилей. Более того, «Дасатир» богат неизвестными словами на чётко прослеживаемой иранской основе. По мере исследованности «Дасатира» среди специалистов росло сомнение в его подлинности. Уильям Эркин, ещё один переводчик «Дасатир» (1818 г.), и Сильвестр де Саси первыми высказали обоснованное подозрение

в фальсификации источника. Окончательно доказал искусственное происхождение большей части уникальной лексики «Дасатир» Эбрахим Пурдовуд, профессор Тегеранского университета, крупнейший специалист в области древне- и среднеперсидского языка, сам в прошлом страстно увлечённый этой книгой. На основании данных сравнительно-сопоставительного анализа Пурдовуда время написания «Дасатир» было отнесено не к VI, а к XVI-XVII вв. Однако, незначительная часть новой лексики действительно имела отношение к древнеиранскому языку.

Иранские исследователи из университета Аламе Табатабаи А. Атрафи и М. Афразанде разделили всю лексику «Дасатир» на 4 типа: а) обычная лексика современного ПЯ; б) архаическая лексика, отмеченная в пехлевийских и зороастрийских текстах, а также редкие архаизмы, употреблявшиеся и Ибн Синой и Бируни; в) кальки с отдельных арабских слов; г) псевдоархаизмы – уникальная лексика, преимущественно искусственного происхождения, созданная анонимным составителем «Дасатир». Образование псевдоархаизмов было осуществлено по следующим моделям: метатеза, изменение семантики лексики, увеличение или уменьшение числа букв в словах, неверное использование форм глаголов (جعل فعل) и вольное словообразование без соблюдения норм грамматики [5, 164].

Иранские пуристы из «группы Азар Кейвана» с восторгом восприняли эту книгу и объявили её образцом чистого персидского языка. Многие новые слова из книги вошли в словари, в т. ч. в самый авторитетный словарь того времени «Борханэ катэ». Писатели и поэты, полагая, что это коренная иранская лексика, стали вводить её в свои произведения [4, 108]. Возникло даже новое понятие – «язык Дасатира», т. е. чистый ПЯ, без иноязычных заимствований и опирающуюся на лексику этой книги.

В 1854 году в Иран прибыл Манекджи Хатариа (1813-1890), представитель зороастрийской общины Индии с целью наладить жизнь своих единоверцев. Родился и вырос он в Гуджарате, где сильны были идеи Азара Кейвана, и сам Манекджи разделял его идею «великого прошлого» Ирана. В новой стране ему удалось сплотить зороастрийскую общину, повысить статус зороастрийца на официальном уровне, установить тесную связь с интеллигенцией, религиозными лидерами различных конфессий и государственными деятелями. В конце концов, Манекджи встречался даже с Насераддин-шахом, правителем Ирана, и смог произвести на него впечатление. Своим успехом Манекджи был обязан двум факторам. Первое – личные качества дипломата в сочетании с высокой активностью, второе – статус подданного Великобритании, наделённого, и в этом мало кто сомневается, особыми полномочиями [1, 201].

Оказавшись в Иране, Манекджи содействовал распространению идеи «великого прошлого», естественным проявлением которого считал чистый ПЯ, лишённый арабских, турецких и европейских заимствований. Из Индии Манекджи привёз несколько работ, большей частью историко-романтического характера, воспевавших героическое прошлое Ирана и распространял эти книги среди широкого круга своих новых знакомых. В числе привезённых им книг, помимо «Дасатир», были «Шарестане Чахар Чаман», «Дабестан аль-Мазахеб», «Айинэ Хушанг» и др. Ориентируясь, преимущественно, на прогрессивную молодёжь и интеллигенцию, Манекджи

представлял им привезённые книги, написанные на чистом ПЯ, как удивительные артефакты многовековой давности и образцы красноречия.

Среди близких друзей Манекджи, попавших под влияние его идей о необходимости очистки языка, оказались Джалаладдин Мирза Каджар – видный литератор того времени, один из сыновей Фатх Али-шаха Каджара, Исмаил-хан Туйсеркани, Гоухар Йазди и др. Встречался он и с лидером бегаитов Бахауллой. Впоследствии, по просьбе Манекджи, Бахаулла написал и переслал ему два небольших произведения, написанных на чистом персидском языке. Манекджи также поддерживал постоянную переписку с Мирзой Фатали Ахундзаде (Ахундовым), одним из главных идеологов романтического иранского национализма и талантливым литератором. Однако в итоге Ахундзаде, один из образованнейших людей своего времени, кавалер множества наград, полученных из рук монархов нескольких стран, полковник армии Российской империи, оказался о Манекджи не самого высокого мнения. Ахундзаде отзывался о нём как о человеке, разбирающемся в зороастрийских традициях лишь на самом поверхностном уровне, наилучшего представления он был и об его идеологических принципах – «Манекджи, встретившись в Иране с любым шейхом, суфием или просто набожным человеком, тут же протягивал ему руку своей преданности и готов был отдать голову в знак своей верности» [4, 109].

М. Бахар следующим образом описывает положение того времени: «Группа мошенников, несведущих ни в философии перипатетиков и ишракизме, ни в филологии, написала ряд безосновательных книг, таких как «Дасатир», принадлежащая перу личности неизвестного происхождения, относящей себя к зороастрийцам, но ничего не понимающей ни в настоящем зороастризме, ни в языке Авесты или в пехлевийском языке; непонятными слова, им же придуманными, представляет читателю выдуманную историю и абсурдные речи, переполненные философскими терминами, приписываемые им древними пророкам и правителям ... Подобные книги в 11-12-13 веках [хиджры]. появлялись одна за другой и даже некоторые составители словарей, например Мохаммад Хосейн, автор словаря «Борханэ катэ», попались на их обман и, приняв фантазии за настоящие слова, стали применять их в своих произведениях» [2, 291].

«Дасатир» дал иранской интеллигенции возможность почувствовать себя наследницей великой культуры, носителем особой скрытой мудрости, а Манекджи своими усилиями по распространению идей о необходимости возрождения великого прошлого Ирана подготовил почву для национализма и посеял среди иранской интеллигенции ростки активной борьбы за чистоту языка, которые уже вскоре дали обильные плоды.

Выводы. Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

стремление избегать иноязычные лексические заимствования в Иране имеет длительную историю;

первоначально основные мотивы пуризма обусловлены были не идеологическими, а литературными факторами, но с 17 в. на первый план выходит идея возвеличивания прошлого Ирана до арабского завоевания, когда отдельными авторами арабизмы, а вслед за ними и другие лексические заимствования в персидском языке, начинают позиционироваться как свидетельства подчинения чуждой культуре;

с конца 16 в. на развитие языкового пуризма в Иране стали оказывать воздействие идеи из зороастрийской среды – Азар Кейван, объединивший идеи зороастризма и суфизма (кон. 16 в.), псевдостаринная книга-собрание речей пророков «Дасатир» (нач. 19 в.) и борец за права зороастрийцев в Иране Манекджи (с сер. 19 в.)

Литература:

1. Загадки старой Персии / [А. Эбрахими, Торкаман, СМ. Бурьгин, НН Непомнящий] – М. : Вече, 2010. – 320 с, ил. – (Terra Historica) ISBN 978-5-9533-4729-7
2. ص 451 ، 1369 بهار ملك الشعراء محمدتقی سبک شناسی جلد اول امیر کبیر / چاپ پنج،
3. 1330 پارسی نغز، مجموعه‌ای است از برگزیده‌های پارسی‌گویان / حکمت، علی اصغر / تهران، کتاب فروشی حقیقت،
4. پاییز 65، شماره 17 صدوی نیا، باقر پیشینه تاریخی و مبانی نظری سره نویسی / مجله دانشکده ادبیات و علوم انسانی تبریز، سال 1377، ص. 99-127
5. ص. 64 ، مسلسل 3 عطرفی علی اکبر، افرازنده منیژه ، سره گرابی در تاریخ ادب فارسی / مجله تاریخ ادبیات ، شماره 161-188
6. <http://www.iptra.ir/vdcdytns00f.html>

Сухоруков О. М. Элементы раннего мовного пуризма в Ірані (до сер. 19 ст.) / О. М. Сухоруков // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 411–418.

У даній розвідці розглядається рання історія руху за очищення перської мови від іншомовних лексичних запозичень, аналізуються джерела, що свідчать про пуристическіє тенденції в Ірані починаючи з кінця XI ст. і основні представники іранського мовного пуризму, а також їх мотиви, визначаються переважні форми прояву мовного пуризму на ранньому етапі розвитку в Ірані цього мовного явища. Увага приділяється також ролі Азар Кейвана і його послідовників у поширенні ідей мовного пуризму, публікації книги «Дасатір» і діяльності Манекджи.

Ключові слова: перська мова, історія мовного пуризму, Азар Кейван, Дасатір, Манекджи.

Sukhorukov O. M. Elements of early language purism in Iran (until the middle XIX century) / O. M. Sukhorukov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 411–418.

The first attempts to purify Persian language from foreign linguistic borrowing refer to the end of the eleventh century. The most profound work devoted to the question of first signs of LP in Iran is an article «Background and theoretical basis of pure language» by Bagheri Sadriniya. According to this research, the earliest remained evidence of linguistic purism in Iran is the «Introduction» to *بن أبي الخير بر روضه المنجمين* by Shahmardan (1074) and «Cavus-name» (1082-1083) by Keykavus. On the base of these indirect sources we can make the following conclusions: a) in the second half of the eleventh century there was a style that differed from the traditional, and it's main feature was a lack of Arabic borrowings; b) this style was difficult to understand even for an educated person; c) there is no signs of ideological justification for the desire to avoid Arabisms in speech; d) for style of writing designation the following terms are used without Arabisms *دری* (by Shahmardan) and *پارسی مطلق* (by Keykavus).

The subsequent centuries have preserved for us an episodic evidence of desire to write in Persian without Arabisms: Bahaaddin Mohammad bin Moayyad Baghdadi (um. 1200), the author of *التوسل الى التوسل*, wrote one of his letters accounting 12 lines in pure PL; Sharafaddin Abdallah Shirazi (d. 1323), in the fourth part of his *تاریخ و صاف* posted a letter to his friend, that was «معرا از الفاظ عربی» (free from Arabisms); the letter of Moinaddin Mohammad Abbase Shahrestani (d. 1385) accounted two pages and was written in pure PL; the letter of Jalaladdin Mohammad Davani (d. 1502), which was placed at the end of his manuscript *رساله قلمیه*; the letter entitled «کتابی که به یاران قزوینی نوشته شده. خالی از لفظ عربی» that became a part of the collection of 180 letters and orders written by Mirza Tahir Waheed Qazwini (d. 1708). Taking into consideration the above-mentioned five prose works in pure PL during the period from XII to XVII century we came to the following conclusion: all remained evidences of desire to do without Arabisms are presented by letters to friends; it can be assumed that the authors of letters in a pure PL above all by such style wished to demonstrate the richness of their language and diversity of literary talent.

The development of language purism in Iran is connected with the activities of Azar Keyvan (1529-1618) and his many followers. Azar Keyvan spoke against Arabism and advocated the idea of returning to Persian language its original purity. In 1778, the Mall Cavus, a Zoroastrian from Gujarat, bought some valuable books in Pahlavi language including «Dasatir» (دساتیر), in Isfahan. Later it was proved that much of the «Dasatir» vocabulary turned to be faked and had no relation to the real old Persian. Iranian purists that belonged to «Azar Keyvan's group» met the book enthusiastically and declared it a model of pure Persian. Many of the new words from the book entered dictionaries, among which was the most authoritative dictionary of that time «Borhane kate» Writers and poets, believing that it's a native Iranian words, began to use it in their works.

In 1854 Manekji Khatari (1813-1890), a representative of the Zoroastrian community of India came to Iran. Manekji contributed to the spread of the idea of «the great past», the main manifestation of which he regarded a pure PL, devoid of Arab, Turkish and European borrowings. Among close friends of Manekji who have fallen under the influence of his ideas were Dzhahalaladdin Mirza Qajar, Ismail Khan Tuyserkani, Gowhar Yazdi and others. Later he met with the leader Baha'i Baha'u'llah. Subsequently, at the request of Manekji, Bahá'u'lláh wrote and sent him two small works written in pure Persian.

«Dasatir» gave Iranian intellectuals the opportunity to feel themselves the heirs of a great culture, the bearers of a special hidden wisdom, and Manekdzhd by his efforts for spreading ideas about the need to revive the great past of Iran, prepared the ground for nationalism and sowed the seeds of active struggle for the purity of the language among Iranian intellectuals and soon these seeds gave abundant fruit.

Keywords: Persian language, history of linguistic purism, Azar Keyvan, Desatir, Manekji.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.